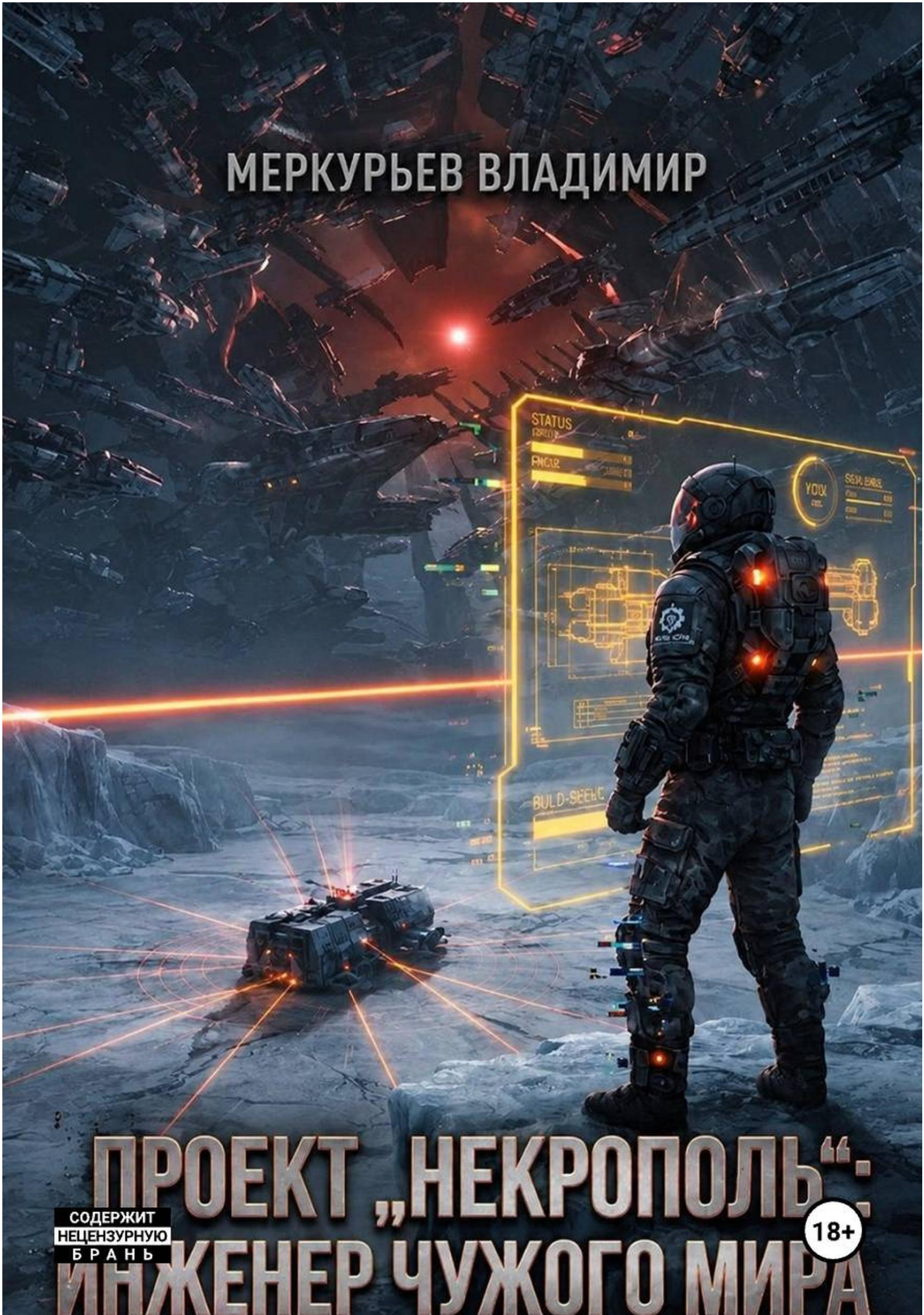
МЕРКУРЬЕВ ВЛАДИМИР
ПРОЕКТ „НЕКРОПОЛЬ“:
ИНЖЕНЕР ЧУЖОГО МИРА
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Владимир Меркурьев

«Проект Некрополь: Инженер чужого мира»

«Автор»
2026

Меркурьев В.

«Проект Некрополь: Инженер чужого мира» / В. Меркурьев — «Автор», 2026

Марк Корсаков — обычный инженер корпорации «Терра-Нова». После аномалии его корабль-фабрика оказывается в Некрополе — среди сотен тысяч мёртвых кораблей у умирающей звезды. Пути назад нет.Наноботы, промышленные принтеры, земные семена и Варя — ИИ с сарказмом — его единственные помощники. Чтобы превратить ледяную планету в новый дом, Марк пробуждает капитана Рена — цифрового призрака погибшей цивилизации.Один мечтает вырастить мох, другой — построить рельсотроны. Но пробуждение планеты привлекает внимание тех, кто охраняет Некрополь.Твёрдая НФ. Космическая робинзонада. Инженерия, выживание и никаких чудес — только технологии.

© Меркурьев В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. ПРОБУЖДЕНИЕ В СИСТЕМЕ НЕКРОПОЛЬ 5
Конец ознакомительного фрагмента. 7

Владимир Меркурьев «Проект Некрополь: Инженер чужого мира»

ГЛАВА 1. ПРОБУЖДЕНИЕ В СИСТЕМЕ НЕКРОПОЛЬ

Первым вернулся вкус. Во рту стояла медная горечь, как будто я лизнул клемму аккумулятора. А я лизал, был такой период в универе. Не спрашивайте.

Вторым вернулся кашель. Криогель выходил из легких жирными комками, я перевалился на бок в раскрытой капсуле и минуту выхаркивал эту дрянь на решетчатый пол. Мышцы отзывались с задержкой, как дешевый сервопривод на морозе. Левая щека зудела. Шрам всегда зудит, когда дело пахнет бедой. Лопнувший кабель высокого давления, четыре года назад, док на орбите Цереры. Врачи тогда сказали, что мне повезло. Врачам вообще везет на формулировки.

Свет в отсеке был красный. Аварийный.

Плохо. По регламенту меня должна будить мягкая подсветка цвета рассвета и бодрый голос бортового регистратора. Рассвета не было. Голос был.

— Доброе утро, старший бортовой инженер Корсаков, — сказал баритон с интонацией диктора, зачитывающего прогноз погоды на кладбище. — Зафиксирован внештатный выход из анабиоза. Причина: критическое отклонение параметров рейса. Оставайтесь на месте и ожидайте указаний.

— Я бы с радостью остался. Только ног не чувствую.

— Ваш комментарий не распознан. Оставайтесь на месте и ожидайте указаний.

Я пополз к панели. Ожидать указаний от В.Р.О.Р.-4 мне не хотелось. Я двенадцать лет обслуживал такие системы и знал, что указания у них бывают всего двух видов: «сохраняйте спокойствие» и «вернитесь в док».

Панель встретила меня каскадом красных строк. Я щурился, пока зрение не собралось в кучу.

[Связь с ретранслятором «Терра-Нова»: НЕТ СИГНАЛА][Навигация: сопоставление с каталогом опорных звезд… совпадений 0 из 41 806][Основной реактор: аварийная консервация][Энергия: 4,1%][Контур охлаждения, сектор С: разгерметизация][Квантовое инфо-ядро: целостность 61%, зафиксировано 1 204 системные ошибки]

Я прочитал это дважды. Потом третий раз, медленнее, и ткнул пальцем в строку про звезды. Ноль из сорока одной тысячи. Это не «ошибся на пару градусов». Это когда ты по ошибке въехал не в тот город, а в другую страну. И на другой планете. И в другой вселенной, если уж строить гипотезы по полной программе.

Последняя запись бортового журнала перед моим пробуждением длилась ровно ноль целых три десятых секунды: [Пространственный градиент: выход за пределы шкалы]. Дальше шли только пустые строки. Датчики сдохли раньше, чем успели испугаться.

Рейс был рутинный. Плановый перегон «ГЕЯ-9» на орбиту колонии Тау-3, одиннадцать месяцев в анабиозе, один транзитный коридор по официальному маршруту. Скучная работа, из тех, за которые не дают премий, зато и не убивают. Обычно.

— Ну, здравствуй, — сказал я панели. — Назовем это Зевом. Потому что нас проглотили.

— Ваш комментарий не распознан, — ответила панель.

Умница.

Три дня ушли на то, чтобы не умереть.

Я не буду рассказывать про все. Скажу только, что есть особое удовольствие в том, чтобы ползать по обесточенному кораблю в термобелье и перчатках от скафандра, потому что обогрев жилых палуб съедает ноль целых одну десятую процента в час, а у меня этих процентов было как у нищего мелочи. Дыхание шло паром. Стальные поручни обжигали ладони холодом. В нос лезла смесь запахов: озон, горелая изоляция и что-то сладковатое, гадкое. Это в секторе С из пробитого контура сочился хладагент, и кто-то, кому по должности положено плакать над такими вещами, давно перекрыл бы его. Я перекрыл вручную, закрутив вентиль монтировкой. Руки дрожали не от страха. От недосыпа и голода.

Первым делом я пошел смотреть, что у меня есть.

Нано-отсек. Одиннадцать миллионов наноботов-строителей спали в контейнерах, как рис в мешках. Управлять ими мог только один процесс, и жил он в квантовом ядре. Если ядро умрет, у меня будет одиннадцать миллионов бесполезных песчинок. Дорогих. Корпорация потом пришлет счет.

Молекулярные принтеры. Три штуки, холодные, как три надгробия. Каждый пожирал уйму энергии и для работы требовал сырье, а сырья в трюмах осталось на пару ремонтных кронштейнов. Не больше.

Генетический банк. Я долго стоял перед его дверью. Четыре тысячи видов земной жизни в криокапсулах: мхи, лишайники, злаки, водоросли, почвенные бактерии, двести пятьдесят видов насекомых. Мой груз. Моя зарплата за следующие пять лет. Весь наш шанс на то, что в этой вселенной когда-нибудь будет хоть что-то зеленое. Он требовал ноль целых две десятых процента энергии в сутки, и я не мог его отключить. Это не лампочка. Если капсулы разморозятся, ничего не вернуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.